

Марина ПОПОВА

Американская провинция

В середине 70-х приятельница из "Интуриста", работавшая с немецкоязычными группами, пригласила к себе нескольких подруг на красивого австрийца, а главное — на его принадлежность к свободному миру. Иностранцы в вольном общении встречались редко, и мы забросали его вопросами. Помню, спросили про одностороннюю Америку. Ответ нас озадачил.

— В американской провинции, — сказал он несколько заносчиво, — единственное дело для интеллектуального европейца — это повеситься!

Вспомнила я об этом осенью 2014 года, когда мы с мужем поехали на юг от Монреаля в американскую провинцию. Нашим конечным пунктом был городок North Adams — ничем не примечательный за исключением гигантского центра современного искусства (MASS MoCA).

Весь путь от Квебека до Вашингтона знаменит (в силу каких-то природных условий) разнообразием и насыщенностью красок осени. Отвлекаясь на эти красоты, мы опоздали и подъехали к паркингу, когда машины с номерами штатов Нью-Йорк, Массачусетс, Вермонт и т. д. уже развезжались. Решив переночевать здесь и посмотреть музей с утра, мы пошли на поиски еды. Холмы, окружавшие со всех сторон городок, полыхали на закате. Downtown состоял из одной длинной улицы — Main (обязательное название в любом провинциальном пункте Америки), пары ресторанов, заброшенного костела с забитыми фанерой окнами, антикварной лавки, конторы по продаже недвижимости, магазина с аксессуарами для гольфа. Все они в субботний вечер были закрыты, и только в конце одной из боковых улиц светился "Макдональдс". Вокруг него собирались байкеры, но очень хотелось есть, и мы отправились туда. По дороге мы встретили двух толстых, вскормленных гамбургерами и кока-колой; мексиканский мальчик катил инвалидную коляску, в которой спала старуха с огромными золотыми серьгами в ушах... Темнело, и в воздухе все больше сгущались атмосфера из ужастиков Стивена Кинга.

И тут наше внимание привлек плакат в витрине двухэтажного дома "сарайной" архитектуры, зажатого между сосисочной и аптекой с хэллоуинскими масками в окне. На плакате был изображен очень испуганный, изможденный человек в шляпе и с шестиконечной звездой на плаще.

Мы видели этот плакат года два назад в Еврейском музее в Берлине, где проходила выставка Феликса Нуссбаума — художника и заключенного, умудрившегося задокументировать в своих работах каждодневную жизнь в гетто и лагерях в ежеминутном ожидании смерти. Плакат — это его автопортрет 1943 года, за год до гибели в Освенциме. До чего же странно было увидеть его здесь — in the middle of nowhere! Еще необычной была табличка на дверях: "New England Holocaust Institute & Museum"! Удивительно, но музей был открыт, и мы не без волнения вошли внутрь. Кто знает, что нас там ожидало; ведь это могла оказаться, например, какая-нибудь неонацистская организация...

Музеи Холокоста в Вашингтоне, Нью-Йорке, Майами создавались на правительственные гранты, деньги еврейских общин, спонсоров. Это, скорее, не музеи в традиционном смысле — с экспонатами того времени, а мемориалы, которые выстраивают историческую экспозицию при помощи современных, часто весьма выразительных средств мультимедийных проекций, звука, зеркала, видео. Ведь оригинальных экспонатов, иллюстрирующих

жизнь еврейских общин в Европе до войны, осталось очень немного. Еврейские музеи в Иерусалиме ("Яд Вашем"), Вене, Берлине, Праге также созданы по принципу мемориала.

Весь институт и музей Холокоста Новой Англии в North Adams состоял из одной комнаты и был наполнен реальными экспонатами!

Слева у входа маленький офис был завален газетами и журналами времен Второй мировой войны на разных языках. Там, едва помещаясь за столом, сидел крупный мужчина в спортивной куртке с капюшоном и говорил по мобильнику. В ожидании конца разговора я стала перелистывать маленький блокнот, лежавший поверх стопки старых немецких книг. На каждой странице типографским способом было напечатано чье-то имя.

— Ну что, сообразили? — оторвавшись от разговора, спросил мужчина.

— Ш-и-нд-лер, здесь написано: Шиндлер. — Фильм "Список Шиндлера" смотрели? Эти блокнотики служили ему визитными карточками.

57-летний Daniel English — создатель музея, энтузиаст-одиночка. Чистокровный американец, в его случае означало ирландскую, немецкую, швейцарскую, итальянскую и французскую кровь — ни капли еврейской. Родился он на соседней улице, где его отец держал антикварную лавку. Конечно, это не был изыск магазинов Нью-Йорка или Лос-Анджелеса, но и здесь среди хлама, бывает, счастливицы находят лампы от Тиффани, майсенский фарфор, старинные офорты.

С папиной лавки все и началось... — Средний американец мало что знает о Второй мировой войне, — начал Даниэль. Знают немного о Перл-Харборе, D-day, о Сталинградской битве... Слышали о Холокосте — самом большом преступлении против человечества. Я создал музей с целью показать, что это невообразимое злодеяние случилось НЕ внезапно. Предшествовали этому годы манипуляций и промывания мозгов. А ведь это все может повториться!

Даниэль говорил и показывал нам свой однокомнатный музей. На стенах под стеклом висели документы, фотографии, плакаты, довоенные вырезки из газет с карикатурами на евреев. В середине по центру длинной комнаты были выставлены реальные предметы той эпохи.

Свою коллекцию артефактов, связанных со Второй мировой войной, Даниэль начал собирать в... восемь лет! Какие мотивы могли быть у ребенка? Может быть, типичные для мальчишки игрушки в танки-пушки-самолеты?

Вскоре мы поняли, что перед нами не музейщик, а одержимый человек, знавший с детства свое предназначение: этот ужас не должен повториться!

Даниэль:

— У деда было пять братьев, и все они воевали. Мой отец тоже воевал в 82-й парашютно-десантной дивизии. Они рассказывали истории, показывали медали... Когда они собирались, у меня уши были на макушке. Один мой дядя воевал в армии, которая освободила Бухенвальд! Он говорил о боине, а я представлял себе боино неподалеку отсюда, где забивали скот. Позже я понял, что все это много страшнее. В студенческом возрасте я путешествовал по Европе и везде старался понять, как эсэсовцам удалось создать такой совершенный механизм воздействия на человеческое сознание. Я вернулся в Америку, но эта мысль не давала мне покоя. Тогда я решил на основе своей коллекции создать институт Холокоста, задачей которого стало образовать

провинциалов, ничего об этом не знающих, чтобы потом не пришлось удивляться.

Мы останавливаемся перед последним номером печально знаменитой газеты "Штурмовик" ("Der Sturmer"), февраль 1945 года. По нижнему краю страницы — надпись: "Евреи — наше несчастье".

— Газета просуществовала 23 года, — говорит Даниэль. — С 1922 года вместе с газетой и утренним кофе пропаганда проникала в умы и сердца людей.

Следующий экспонат — пивная кружка 1933 года с рельефом плуга, который тянут лошади. И саркастическая надпись: "Неужели Леви или Шмуль когда-нибудь станут пахать землю?"

— На чьи деньги создавался музей? Получали ли вы гранты? — спрашиваю я.

— Нет. Я пробовал, но когда музей создается одним человеком, это трудно. Для таких дел обычно собирается группа единомышленников, но я не нашел здесь таких. Наш городок очень маленький, провинциальный, население — закрытое общество, зачлененное на себе.

— Кто же посещает музей, кого он интересует?

— В основном заходят туристы. Но и школьники случаются. При входе в начале экспозиции я выставил 15 экспонатов (из 250-ти), которые относятся к СС — мундиры, свастикки, знаки отличия и т. д. Люди цепляются за это глазами, встречаются меня и говорят: "Как интересно — это музей нацизма?" И тогда я растолковываю им, что к чему, какую информацию средний немец получал с 1919 по 1945 год. Объясняю механизм пропаганды: берется крупица правды, которая с помощью риторики расширяется и приобретает нужную интерпретацию. Потом все это преподносится обывателю, который реагирует следующим образом: "Как я могу не верить всем этим газетам, плакатам, передачам — ведь это мне говорит моя страна?! Она не может меня обманывать!"

Даниэль продолжает:

— Я подвожу посетителей к газете "Das Schwarze Korps", ноябрь 1938-го, вышедшей через две недели после Хрустальной ночи. Заголовок гласит: "Евреи, что дальше?" Справа — карикатура на Америку: дядюшка Сэм с указующим перстом обвиняет Германию в дурном отношении к евреям. Внизу — надпись: "У вас негров линчуют, сажают людей на электрический стул — как вы смеете нас обвинять?" И те визитеры, которые еще минуту назад считали это музеем нацизма, говорят: "Это невероятно!"

Мы останавливаемся перед замечательным по своим художественным качествам плакатом 1936 года. Оказывается, Германия — единственная страна в мире, где в один год было две олимпиады: всем известная летняя (84 страны) и менее политизированная зимняя (18 стран). В последней даже участвовали два немецких еврея — конькобежец и хоккеист.

Даниэль:

— Две недели назад из Бостона приезжала группа переживших Холокост стариков со своими детьми, внуками и правнуками. Среди них была бывшая гимнастка, которой не разрешили участвовать в той летней олимпиаде 1936 года.

— А что вы думаете об утверждении, что будто бы Холокоста не было?

— Я слышал об этом, но только однажды встретил в Вермонте такого умника. Он уверял, что в печах Освенцима выпекали хлеб,

а на территории лагеря был олимпийский бассейн.

— Вы не пробовали переубедить этого человека?

— Нет, такие люди никогда не меняют взглядов. Они слепы. Свои далеко идущие выводы они делают на основании каких-нибудь мельчайших деталей, раздувая их до огромных размеров. Например, Черчилль в своей книге об истории Второй мировой войны не упоминал Холокост. Из этого сделан вывод, что Холокоста вообще не было.

— Есть ли на антикварном рынке, как это часто случается на рынке искусства, подделки предметов этого периода?

— Да, есть. Но мне удается этого избежать, так как я занимаюсь антиквариатом во втором поколении и уже поднаторел. Кроме того, мне иногда удается покупать готовые коллекции. Обычно это происходит после смерти владельца.

Даниэль подвел нас к следующему экспонату: "ОБЪЯВА (укр. объявление). В нашей округе состоится сегодня выселение жидов... Любая замеченная в грабежах подлежит расстрелу..." Подписано командующим СС/полиции.

— Когда я был ребенком, — говорит Даниэль, — мы с отцом ездили на ферму покупать индюшек ко Дню благодарения и Рождеству. Владелец — крепкий старик с сильным лаванским акцентом — говорил, что во время войны был партизаном в Украине. Однажды мы приехали и узнали, что он умер. Зная, что мой отец занимался антиквариатом и архивами, тот попросил своего сына передать ему это объявление. Скорее всего, старик был из айнзацгруппы, которая занималась зачисткой тылов. Кстати, этим документом заинтересовался профессор истории из Канады. Он предполагает, что это одно из первых подобных объявлений... Ведь у нацистов вначале не было уверенности, что люди послушаются и не разбегутся. Например, в Киеве, по самым оптимистическим прогнозам, они надеялись, что явится 3000 — 4000 человек, а пришли 30000! После этого у них уже не было сомнений...

— Вот уже 10 лет, — продолжает Даниэль, — мой друг — он учитель — ежегодно проводит в своей школе курс, изучая с учениками историю Холокоста. В конце курса они делают выставку, на которую приглашают бывших узников, а я привожу в школу экспонаты из музея и рассказываю о них. С каждым годом в аудиторию набивается все больше и больше народу. Но это всего одна школа...

— Тем не менее, несмотря на все усилия, не может ли похожая ситуация повториться даже здесь, в Америке?!

— Нет, все же не думаю. Пока действует вторая поправка к конституции, — Даниэль неожиданно вытащил из заднего кармана джинсов небольшой пистолет, — мы знаем, как защищаться.

На следующий день мы приехали в центр современного искусства (MASS MoCA) к его открытию. Этот гигантский центр расположен в переоборудованных корпусах бывшей текстильной фабрики XIX века. Из семи выставок одна была по-настоящему первоклассная — знаменитого немца Ансельма Кифера. Он родился в 1945-м, под последними бомбежками Второй мировой. Кифер — крупнейший из художников послевоенной Германии. Главная болевая точка его творчества — Холокост как воплощение германской катастрофы.

